

Н.Н. Александров

ВЕЛИКОЕ ТРОЕКНИЖИЕ

Интеллигенция – слой русских интеллектуалов, находящийся обычно в оппозиции к правительству.

Английский словарь.

Пройдет некоторое время, не слишком большое, соизмеримое с жизнью человека, – и ценностями окажутся вовсе не те вещи, которые таковыми кажутся нам сейчас. Все было в истории, было и это. Происходит так называемое “стирание оперативной памяти” общественной системы. Средневековье должно было стереть начисто само упоминание об античной культуре. Но через тысячелетие возродились и слова, и дела, и идеалы античности, а мертвая латынь стала языком нового гуманизма. Рукописи не горят, но лишь в конечном итоге. У нас – множество национальных богатств, в основном сырья. Ну и по контрасту к русским национальным богатствам (пушнина, мед, золото) относят феномен русской интеллигенции. Как-то так получилось, что сегодня богатые страны – это страны, богатые не природными, а информационными ресурсами. К этим ресурсам феномен русской интеллигенции ни малейшего отношения не имеет. Ибо западный интеллектуал – это тот, кто покупается как профессиональный поставщик редкого информационного продукта, а русский интеллигент – это существо,

совершенно лишенное прагматизма. Оно служит не фирме, не обществу, но культуре – совершенно неосязаемому божеству, не одаривающему служащих ему ни золотом, ни серебром. И именно это существо грозятся смыть идущие вихри. Что оно такое, откуда оно, как жило? И стоит ли сожалеть о приговоренном? Попробуем разобраться, пока не разобралась история.

У предыдущих поколений русской интеллигенции был иной генетический код. Хотя немного, но преемственный. Сейчас чуть ли не любыми методами наши интеллигенты от сохи пытаются доказать свое дворянско-аристократическое происхождение. А зря. Им бы Ломоносова или хотя бы Вавиловых вспомнить. Все, что в голове, – твое и с кровью перейдет от тебя – пусть лучше от тебя род начнут считать. Подвигом новейшей интеллигенции можно считать уже то, что на фоне совершенно выкошенной культурной травы она явилась, стала и жила – по крайней мере, до сих пор. И, что особенно важно, не подлежит экспорту. Русская интеллигенция не производит информации, как выразился Аверинцев: “У нас совершенно нельзя быть ученым. Элементарно, нет книг, которые нужны, нет общения с западными коллегами. Единственная профессия, какая у нас тут действительно есть, это быть порядочными людьми”. Итак, перед нами явление скорее этическое, художественное, чем научно-технологическое. Ну, а вводимый рынок – явление глубоко “безнравственное и нехудожественное”, наподобие удара топором: тонкие материи вымрут первыми. Эка невидаль, и это мы уже проходили. Но проходили ли мы это?

После основательной вырубki и высылки интеллигенции на протяжении 70 с лишком лет успело вырасти наше поколение преемников безо всякой (абсолютно) преемственности. Случилось так, что от технической интеллигенции требовали чего-то близкого к Западу по продукту, но условия создавались восточные. Этот вывихнутый кентавр мог рождать продукцию, пока не вымерли все старики: Королев, Туполев и Келдыш. Они явно знали нечто такое, что позволяло им подняться в космос и создать ядерную и водородную бомбу. Где-то между этими зубрами и профессиональными

карьеристами растворилась тихая масса научных работничков, предпочитавших жить в нишах. Это такая уж привычка: не высовываться, говорить обо всем, но на своем эзоповом языке, иметь свой (очень тонкий и хрупкий) моральный кодекс и при этом всеми силенками удерживать от исчезновения умирающую культуру. И, пока страну успешно разворовывали, родился этот тип людей, которые ни в эти, ни в западные, ни в восточные рамки обществ не укладываются. Для нашего общества они невыживаемые: не умеют доставать, воровать, заводить нужных (“нужников”) людей, подставлять и подсиживать и так далее. В прошлые времена они предпочитали тихое место библиотекаря. Нет, бывало и бунтовали: шли в рабочие, на Север рвали. Но это кончалось одинаково – спивались. Ибо избыточный интеллектуальный потенциал разрывает человека и уничтожает не хуже СПИДа, если не применять его по назначению или пытаться затоптать. Да и не интеллект это вовсе: уехавшие на Запад диссиденты становятся там по их стандартам СПЕЦИАЛИСТАМИ по чему-либо, например по русской литературе, по нашей политике и т.п. Но их влечет совершенно другое. Как выразился один художник, живущий в Париже, – все наоборот по отношению к Москве: есть тысяча мест, где посидеть, а не с кем. И чего ему в этом сиденье, если у него дом, счет и “мерседес” в качестве запасной машины? Но нет, посидеть ему, видите ли! Кстати, с большинством ученых номер проходит хуже: они не выдерживают конкуренции как специалисты, и их самомнение оказывается дутым. Ибо они и понятия не имеют, что основано оно было на той совершенно особой (и не имеющей отношение к менеджменту) ауре русской интеллигенции, которая, как рваный зонтик, все еще накрывает русское общество. И которую скоро снесут рыночные ветры, несущие тяжелый золотой песок. Мы бросились вдруг дорожить тем, что имели раньше: памятниками, церковью, традициями и обрядами, – а тем, что имеем, не дорожим. Ибо не понимаем мы, что же это такое мы имеем под названием “русская интеллигенция”.

Перестройка началась без оглашения проекта. Поэтому у любого действующего члена общества она была своя. Некоторые воззрения уже поддаются обобщению, ибо стали массовыми в действиях. Скажем, милиция разрывается на части, преследуя хищников “в особо крупных размерах”. У этих хищников модель перестройки начинается там, где оборвалась русская история капитализма: воровать все, что плохо лежит – под ногами, в природе, в обществе, главное – “урвать”. Особое рвение проявляли эти рвачи в моменты войн, начиная с 1914 года. На этом вырос один из героев нашей статьи – гражданин Корейко. Вторая модель – административно-монополярная: главное – навести порядок, а некоторые послабления – временные. Стругацкие впоследствии, после своей великой книги, “Понедельника”, разовьют эту тему до трагического фарса. Но модель, по сути, останется той же. Наконец, третья возможность и третья модель – в невидимом нами “особом пути”. И здесь тянется тончайшая нить, приводящая нас к “Мастеру и Маргарите”. Итак, троекнижие нашего поколения – это три блестящие траги-фарсо-комедийные (и далее – всех возможных примесей) произведения. Поскольку эти три книги составили основу нашего мировоззрения (даже имеют проекцию в наше настоящее и будущее), постольку они интересны и сегодня. И присно.

Интересное совпадение: действие нашего троекнижия происходит во времена предыдущих перестроек. Ильф и Петров полемизируют с неким мрачным типом, не понимающим, какие могут быть шутки в реконструктивный период. Редко кому приходит в голову, что товарищ Бендер и Мастер просто-таки могли столкнуться на улицах Москвы конца 20-х годов. Ну а искрящийся оптимизм братьев Стругацких как бы концентрирует светлое мироощущение оттепели, наряду с фильмом “Я шагаю по Москве”, улыбкой Гагарина и музыкой Битлз.

Сын турецкоподданного

Иногда складывается впечатление, что вся история нашего юмора происходит из Одессы. По крайней мере – советского. Это – юмор особой стилистики и густого оптимизма, преодолевающего трагизм окружающей жизни. По большей части, это – юмор блестящего афоризма, заключающего в себе целый роман или, по крайней мере, рассказ. Особым мастерством изобретать афоризмы из воздуха эпохи обладал Юрий Олеша, а в последние годы его место занял Жванецкий. И если наш современник нашел-таки свой способ соединения афоризмов в непрерывное “бормотание”, то Олеше это не удалось. Зато Ильф и Петров сумели преодолеть эту самую “самость” одесского афоризма-бриллианта и построили свои произведения как полновесные ювелирные изделия.

В пору увлечения афоризмами, чтобы подчеркнуть их ценность, я придумал свой: “Сборники афоризмов следует продавать только в ювелирных магазинах”. Но афоризмы афоризмам рознь, это даже “две большие разницы”. Блеск Ларошфуко и солоноватый юмор Ильфа – несопоставимы. Чего стоит лишь одна дневниковая запись Ильфа: “Кричали – радио, радио! А вот и радио есть, а счастья нет”. Говорят, немцы просто не понимают, что смешного мы находим в книгах об Остапе Бендере. Да и вправду: что смешного в этой фразе – “Штанов нет”, – нам и самим уже не смешно, хотя недавно мы смеялись почти хором. Юмор истории при чтении этой книги прямо-таки зеркальный. И сконцентрирован более всего в образах Остапа Ибрагимовича Бендера и Александра Ивановича Корейко.

Сначала – о Корейко. Как известно, он берег себя для капитализма. Весьма жаль, но до наших времен Александр Иванович вряд ли дотянул бы: ему стукнуло бы 100 лет. Хотя, кто знает, ведь он жил по всем современным требованиям медицины: не пил, не курил, даже чая не употреблял, занимался сыроедением и голоданием. Спортсмен. Гири вот только у него украли. В сфере бизнеса вполне мог бы дать уроки начинающим. Актуальный образ. Я подозреваю, что масса современных кооператоров и дельцов теневой

экономики только на его примере и могла постигнуть технологию своего дела. Других источников нет. Во-первых, сказались психологические мотивы: “Он почуял, что по всей стране валяется сейчас великое множество беспризорного золота, драгоценностей, превосходной мебели, картин и ковров, шуб и сервизов. Надо только не упустить минуты и побыстрее схватить богатство”. А вот что пишет вчерашняя газета “Известия”: “Шести-значные суммы денег, присвоенные мошенническим путем, стали все чаще фигурировать в уголовных делах”. Корейко возродился! Во-вторых, нынешние последователи Корейко делают то же самое. Воруют медикаменты, поезда с продовольствием, изобретают “промысловые артели”, через которые перекачиваются средства и ресурсы, создают подсобные предприятия, пожирающие своих создателей. И уж таких примитивных ошибок, как Александр Иванович, не допустят. Наши вооружены телевизионными знаниями, они хорошо усвоили, из чего состоит мафия и как она хорошо может жить. И все же приемы Корейко вполне в ходу, например многократная перекачка денег через фиктивные кооперативы, подставные лица и “мертвые души”. Даже демагогические названия кооперативов имеют свойство повторяться: “Интенсивник”, “Реванш”, “Геркулес” – сколько угодно. Как выразился Остап, это – “самовзрывающиеся акционерные общества под цветистыми нахально-кооперативными названиями”. Мне припоминается фильм “Асса”, где незабвенный папаша играл все того же Корейко, но отец теневой экономики брежневских времен жил уже куда шикарнее и с предчувствием своего грядущего возрождения. Более того, я думаю, что скоро появятся произведения, героизирующие идущего к нам из прошлого гражданина Корейко, ведь уже вовсю в героях фигурирует корнет Оболенский. Зеркальное свойство нашего времени переворачивает “плюсы” на “минусы” – и наоборот.

Противостояние Остапа и Корейко выражено в его монологе при первой продаже папки: “Я останусь таким же бедным поэтом и многоженцем, каким был, но до самой смерти меня будет тешить мысль, что я

избавил общественность от великого сквалыжника”. Не раз Остап называет себя свободным художником и близкими к этому выражениями. Он откровенно артистичен, но не паяц. Вот почему его образ удался Юрскому. Как ни парадоксально, мы наделяем Остапа множеством симпатичных нам черт, которых нет в обеих книгах. Нам принципиально важно, что его поступки мотивируются (и во второй книге – определеннее) некими иллюзорными целями. То, что его интересуют не деньги, явно видно в отправке “посылочки” с миллионом: от Корейко ничего подобного ожидать не стоит. Это – поступок артиста, свойственный скорее Есенину. При всей кажущейся практичности, Остап как раз вовсе не практичен. Он азартен, да. И жизнь для него похожа на увлекательную партию в шахматы. Изначально Остап обладает массой приятных для нас предрассудков. Он скорее нравственное существо с принципами. Вот примеры: “Я чту уголовный кодекс”; “Иной набросился бы, конечно, на какое-нибудь беззащитное госучреждение, но это не в моих правилах”; “Заметьте себе, Остап Бендер никогда никого не убивал. Его убивали – это было”. Прямо-таки моральный кодекс, весьма затрудняющий жизнь свободного артиста! На что он ему? И что вообще странно, именно этот затрудняющий дело кодекс появился во второй части походов Остапа. А по дате это – 1930 год. И принадлежит кодекс человеку, который “не хочет строить социализм”. Надо быть просто невосприимчивым, чтобы не увидеть за образом Остапа некоего анти-Живаго, интеллигента из прошлых, занесенного волею судеб в хаос нового мира. Важно, что Остап не интеллектуал – он обычный балбес, неважно учившийся в гимназии. Кое-что помнит из латыни, но совершенно неосмысленно. В его речи всплывают остатки французского, а уж по части литературы он дока. “Торжественный комплект”, проданный всего-то за 25 тугриков, был неувыдаемым пособием для журналистов. Отметьте, всего за ночь Бендер пишет киносценарий! Чутье у него просто аховое, ведь сценарий называется “народная трагедия”. А по части советов, данных Остапом группе диалектических станковистов, можно только руками развести: они все были

реализованы в жизни. Как картины из гаек и костылей, так и незабвенная – “Большевики пишут письмо Чемберлену”. Из своего знаменитого акушерского саквояжа Остап извлек целый набор предметов интеллигентского толка: докторские принадлежности, афишу и чалму, краски и кисти. Вот тебе и бродячий авантюрист – с головы до ног разносторонний интеллигент, обремененный всеми путами староинтеллигентских моральных запретов.

А вот что пишет об особенностях интеллигенции наша современница: “Это не обязательно нищие люди. Они могут и много зарабатывать, если повезет, но от заработка в их занятиях ничего не меняется”. И что самое важное: “они все равно существуют в экологических зазорах, не так, как предусмотрено наличным, стандартизированным состоянием культуры”. Чудненько! Мы ни секунды не можем поверить, что насильно поверженный Остап (и это самые неубедительные страницы в книге) “переквалифицируется в управдомы”. Убивать его вторично было бы как-то “не то”. А иного выхода жанр не давал. Иной выход нашел Булгаков. И именно этот выход на долгие годы согревал сердца русской интеллигенции. Выход в сладкую иллюзию.

Мастер без Маргариты

Мастер случайно решил ту проблему, которую Остапу решить не удалось: он стал богат и независим, хотя бы на время. И если Остап аристократичен вовне, то Мастер обернут вовнутрь. Он тоже пытается укрыться от хаоса и на всем протяжении романа нам доказывается, что этот выход – не выход. Остап весело сражается с некой силой – пусть это и “великий сквалыжник”, но он и Корейко являются порождением одного общества, прошлого. Мастер занимает “экологическую нишу” в настоящем. Его предыдущая, до выигрыша, работа – типичная ниша, такая же ниша и его предыдущая комната (“Уу, проклятая дыра!”). Совершенно в духе Достоевского, герои которого не живут, а именно ютятся на чердаках и

подвалах. Интересно, что это как бы вообще первое условие малюсенького шага к интеллигенции: маленькая независимость и минимальная изоляция, жилье. И здесь Булгаков становится оппонентом самого Достоевского, доказывая, что нельзя ждать от людей высокой морали, когда теснота и духота такая, что “чижики мрут”. Достоевский причину готов искать в человеке, Булгаков – вне человека. Он последователь Соловьева, который писал, что “привести людскую массу в скотское состояние вовсе не трудно”, а вот для морали нужны хотя бы минимальные материальные блага. И критерий: “лишнее – от лукавого”.

Остап сражается с Корейко именно за блага, но на что они ему? Для реализации “хрустальной мечты детства”. И мы все ему за этот явный романтизм прощаем. В мире Мастера романтизм кончился: роман гораздо реалистичнее всех ему современных, если только раскопать иносказания. Мастер и его двойник – Иешуа – гибнут от доносов. Писатель заболевает от политических доносов на него в прессе, окончательно он лишается своего хрупкого мира от доноса “друга” Алоизия Могарыча (“Это вы написали на него жалобу с сообщением о том, что он хранит у себя нелегальную литературу? Вы хотели переехать в его комнаты?” – допрашивает его все знающий Азazelло). Спасения от этой реальности нет – ни в прошлом, когда Иешуа продал за гроши случайный знакомец, ни в настоящем, когда Мастера добивает “друг”. Поразительно в этой параллели вот что: предателя Иуду страшно убивают, предателя Алоизия отпускают. Он даже получит должность в конце. Почему? Ответ – в скрытой полемике Булгакова с Достоевским: “скотские условия” привели Алоизия к доносу из-за жилья, критика Латунского – к доносу ради выживания. Но никто из них не наказан – где же правда? И не есть ли “непротивление злу насилием” одно из истинных качеств русской интеллигенции? Увы, есть. Что Мастер – прекрасная литература; судьба Николая Вавилова и Иуды-Лысенко свершена в реальности – и предавший по сей день не наказан. И снова смутные времена на пороге. Куда более смутные, чем до того.

Нынешний интерес к восточным мистическим учениям имел свое начало век назад, во времена Соловьева, столь чтимого Булгаковым. И недаром в романе три мира: реальный мир берлиозов и латунских, космический мир Воланда и его спутников, символически-библейский мир Пилата и Иешуа. Мастеру дарован “не свет, но покой” – награда за земные страдания “истинного человека”. Мастер не святой, поэтому не свет, а покой его воплощен в зримом и узнаваемом образе Вечного дома с венецианскими окнами. Все тот же дом, с зеленым абажуром, тоска по которому мучительно звенит еще в “Белой гвардии”. Уход, а не выход.

Но вот что стоит отметить особо. Трагедия и комедия, фарс и бытописание, с подробными деталями, – эти контрасты делают миры Остапа и Мастера необычайно выпуклыми и узнаваемыми. Как будто специально для того, чтобы книги жили всегда и говорили о главном, эти писатели закладывают в их структуру «принцип многослойного пирога» (по выражению Михалкова-Кончаловского) – якобы для всех вкусов. На самом деле им надо во что бы то ни стало сказать истину, предельно завуалированную и необыкновенно горькую. И, чтобы не расплакаться, они смеются.

Под сенью Модеста Матвеевича

Некоторым писателям фортуна улыбается всего один раз. Они пишут одну книгу (как Ершов) и перепрыгнуть ее не могут. У братьев Стругацких такой удачей стал “Понедельник начинается в субботу”. Но их положение особое: все остальные книги как бы рядом и как бы бесконечно продолжают темы, найденные в этой удаче. Подобно книге-перевертышу, из самого начала они могут писать детективы, памфлеты, святочные сценарии или совершенно невообразимые по жанру вещи, но все равно они пишут эту одну книгу. Такой мир, например, изобретают Уильям Фолкнер, Оноре де Бальзак, Жюль Верн: это – эпический мир того или иного поколения. В Новом времени почти каждое поколение имело свой литературный образец. В эпосе

всего творчества Стругацких есть веселое первоначало, которого достаточно для понимания всего мира, – редкая удача.

Веселый борющийся Остап, трагично уходящий Мастер – в прошлом. Новоявленная интеллигенция, где-то даже по-детски инфантильная, но необыкновенно оптимистичная, – вроде так все выглядит в “Понедельнике”. Или выглядело в 1964 году. Я помню это золотое чувство, когда на светлой веранде я читал первый выпуск какого-то сборника фантастики с началом “Понедельника” и поедал из алюминиевой миски наивкуснейший салат из помидоров и огурцов, – с тех пор весь мир книг делится для меня на вкусные и невкусные. Безмятежная вера в завтра, столь органично высвеченная в этом мире, навсегда осталась на его страницах. Из жизни она, увы, ушла.

Как всякий эпос, повесть Стругацких содержит набор основных аксиом общества. Надо было обладать уже тогда незаурядным художественным чутьем, чтобы сегодня мы могли аналитически подтвердить установки их мира. Например, историки говорят об особом отношении к власти в России: власть есть некая внелогическая сила, она как бы вечная. Власть и есть истина, поэтому умный человек и человек в чине – явления абсолютно разные. И истина принадлежит не умнику – она провозглашается (не проверяясь на практике) чиновником при власти. Решения власти не подлежат моральной оценке: эти решения ни хороши, ни плохи – они подлежат выполнению (при всем их объективном идиотизме). Это – первый из сильнейших тезисов нашего сознания: власть есть и истина, и мораль, и обычай. В повести реальная власть принадлежит завхозу – Модесту Матвеевичу. А ирреальная, вроде реальная, а вроде и нет, – директору. О директоре известно, что он был посредственным администратором, чем и началась его карьера, а затем “медленно, но верно” он становится ученым с мировым именем и власть, соответственно, теряет. Итак, администратор Модест, “могучий, непреклонный и фантастически невежественный”, – при власти, а Янус, с мировым именем, – увы.

Вторая аксиома отечественной культуры, выраженная раньше в тезисе “лишнее – от лукавого”, – аскетизм. Неценность этой интеллигенции, пашущей над “закрытыми темами” в НИИЧАВО, раскрывается в условиях жизни: практически все основные герои живут “в общежитии и на 120 рэ”. Даже для своей нужной государству работы они ничего не могут получить от власти, ибо бесправны. Модест Матвеевич лично решает, что фонтан во дворе способствует научным размышлениям, а теннис есть “дрыгоножество и рукомашество”. Даже принадлежащее институту оборудование Корнеев может выклянчить у Модеста только под личную ответственность директора, при активной поддержке двух крупнейших сотрудников института и “опираясь на официальное письмо Президиума Академии наук за личными подписями четырех академиков”. В итоге этим маневром удалось “слегка потеснить с занимаемых позиций Модеста Матвеевича”. Но не более. Он настолько незыблем, что даже нечисть боится его до судорог в ногах, не говоря уже о живых.

Неценность интеллигенции – в самой “фантастической невежественности” властей, сверху донизу. Поэтому наряду с серьезными работниками институт наполняют “шалопайи из отдела Абсолютного Знания” и так далее, до самого профессора Выбегалло. Вот уж когда можно быть уверенным, что нигде в мире этот образ не может вызвать смех – только у нас. Ибо за ним скрывается высмеиваемый, но еще вполне в силе и при власти (в год написания повести) академик Лысенко: имя нарицательное и страшное, подобное имени Иуды. Некомпетентной и всесильной власти нужны немедленные результаты, они нужны ей всегда, и сегодня – в том числе. Она понять не может, как царь Петр, что немедленные действия не дадут тех же успехов, что в Европе: нужен фундамент, складываемый долго и по кирпичику. Отсюда и парадокс интеллигенции: нужна-то она нужна, да только не так нужна. И любой авантюрист, обещающий сиюминутную выгоду ей нужнее рефлексирующего философа. Ибо сама наша власть всегда хочет казаться европейской, будучи типично азиатской.

В чем же тогда смысл исключительной популярности у нашего поколения всех трех веселых произведений? В выражении действительно существующей в душе каждого русского интеллигента аксиомы. Прочитав ее: “Они были магами потому, что очень много знали, так много, что количество перешло у них наконец в качество, и они стали с миром в другие отношения, нежели обычные люди... И они приняли рабочую гипотезу, что счастье в непрерывном познании неизвестного и смысл жизни в том же”. Парадоксальность не видна сразу, ибо она наша, русская. Первый тезис – познание мира, тезис интеллектуалов Запада. Второй тезис – “меньше думать о себе и больше о других” – наш, общинный. Он прямо противоречит психике аналитического индивидуализма, ибо требует целостности – высшей ценности общинного сознания. В этом и есть парадоксальная суть русского явления – интеллигенции, так по-разному выраженная в Великом Троекнижии.

И последнее. Это Троекнижие есть признак, по которому можно безошибочно опознать своего: если оно стоит на полке и зачитано до невозможности – значит, свой. Язык и специфические обороты Троекнижия были сленгом нашей интеллигенции – для знающего человека достаточно намек, тени намек, словца. В опасные времена это был ключ. Тупица или чужак принципиально не способен усвоить подобный способ мышления – он наш, только наш! И, как бы ни расширялся диапазон открываемой литературы, именно от Троекнижия будут отталкиваться люди нашего поколения, со странным названием “советская интеллигенция”.